

Инспекция

Число
Ревекки

Инспекция

Число
Ревекки

Оксана Кириллова

альпина

ПРОЗА

Москва, 2024

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2=411.2)6-442
К43

Редактор ВЕРА КОПЫЛОВА

Кириллова О.

К43 Инспекция; Число Ревекки / Оксана Кириллова. — М. : Альпина-
нон-фикшн, 2024. — 492 с.

ISBN 978-5-00223-270-3

«Инспекция» и «Число Ревекки» — продолжение тетралогии «Тени прошлого». Первая часть книги продолжает начатую в романе «Виланд» историю молодого фон Тилла, охранника Дахау. Он продвинулся по карьерной лестнице, приехал с инспекцией в Аушвиц и общается с сослуживцами, пытаясь понять, в какой момент прекрасные мечты о реванше великой нации превратились в культ Молоха. «Число Ревекки» представляет происходящее с точки зрения возлюбленной Виланда — немецкой еврейки, узницы концлагеря.

Оксана Кириллова потратила несколько лет на работу с архивами: придуманные ею персонажи взаимодействуют с реальными историческими фигурами. Книги цикла охватывают период с 1930-х годов по 1990-е, основные события происходят на территории Германии и России. Вместе с тем это не нагруженное сухими историческими фактами повествование, а захватывающая история трагической любви, развенчанных идеалов и неожиданных поворотов.

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2=411.2)6-442

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в интернете и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ для частного или публичного использования, без письменного разрешения владельца авторских прав. По вопросу организации доступа к электронной библиотеке издательства обращайтесь по адресу mylib@alpina.ru

ISBN 978-5-00223-270-3

© О. Кириллова, 2024
© Художественное оформление, макет.
ООО «Альпина нон-фикшн», 2024

Инспекция

роман

— Пепел на грузовиках вывозим к Висле и сбрасываем, течением уносит. Зимой посыпает им дороги, весной удобряет поля и теплицы в Райско. Когда позволяет время, дробим кости и продаем одной местной фирме, они уже перерабатывают в суперфосфат и перепродают дорожке — как удобрение. Только в этом году отправили им без малого восемьдесят тонн. Выкручиваемся в общем-то.

Я окинул взглядом огромную территорию, обнесенную высокой бетонной стеной с колючей проволокой, затем снова посмотрел на говорившего.

— В целом устройство несложное, — продолжил роттенфюрер, — совсем скоро будете ориентироваться здесь как дома, гауптштурмфюрер. Лагерь поделен на зоны, каждая окружена забором. Заключенным из одной зоны строго запрещен доступ в другую без специального разрешения или сопровождения. Весь периметр огорожен забором и двумя рядами проволоки, под напряжением только внутренний ряд. На караульных вышках мощные прожекторы — когда горят все, ночью светло как днем. Увидите, пробивают каждый закоулок. К забору нельзя подходить не только снаружи, но и внутри. Если какая-то полосатая собака вздумает подойти ближе чем на три метра, с вышки стреляют без предупреждения. Бараков много, в одном только Биркенау почти двести штук, но все равно не хватает, продолжаем достраивать. Сортиры, душевые, всё как и везде...

— Сколько душевых приходится на каждый барак? — спросил я.

— По одному сортиру и душевой на девять-десять барakov. Не по норме, конечно, но сейчас везде не по норме. Вот

те бараки — КБ*, санчасть, — продолжил он, — больничка и амбулатория, но туда лучше не ходить. Тиф, дизентерия, чесотка — этого добра навалом. В разгар эпидемии косит целые бараки. К сожалению, иной раз и наших парней может зацепить. Может, слышали, недавно скончалась жена штурмбанн-фюрера Цезаря, который руководит сельскохозяйственным отделом. А сейчас и сам он в больнице. Говорят, шансов мало, вряд ли выкарабкается, да. — Он замолчал, давая мне осознать всю серьезность положения, затем добавил: — Так что вы уж сделайте укол против брюшного тифа, крайне рекомендую.

Я кивнул. Мы продолжили обход лагеря.

— В бараках стараемся четко разделять: арийцы из рейха, в основном политические и уголовники, — отдельно, поляки — отдельно, евреи — отдельно. У баб, конечно, бардак знатный, все вперемешку, но у этих порядка никогда не было, там нечего и пытаться. Бараки стандартные, разделены на дневную и спальную части, в спальней — нары в три яруса. Положено, конечно, по одному телу на настил, но нам их прут столько, что блоковым** приходится распихивать по двое-трое в лучшем случае. Норма одеял, естественно, прежняя — на одного. В бараки мы тоже без надобности не суетмся — хоть и не больничка, но заразы тоже достаточно, а нет, так вшей точно подцепишь. Там блоковые и без нас отлично справляются.

Резкий порыв холодного ветра заставил меня поднять воротник плаща — перед поездкой я сдал его в мастерскую, чтобы мне подбили его дополнительно мехом. Благоразумно, как оказалось, — несмотря на отсутствие снега, морозило здесь уже нещадно. Из-за угла деревянного барака появилась женская колонна: лысые, в тонких полосатых обноскох, треплющихся на ветру, женщины семенили друг за другом по пять в ряд, уставившись в землю.

* КБ (от нем. Krankenbau, KB) — больничный блок. — *Здесь и далее примечания автора.*

** Блоковой — старший по бараку.

— Что на них за тряпье? Неужели нельзя выдать что-то лучше? — спросил я, вспомнив вполне приличную одежду, которую мы выдавали в Дахау зимой.

— А что лучше-то? Здесь же ничего не списывается, тряпье ходит по кругу.

— Как это по кругу?

— Раз в несколько мес... недель... в общем, как придется, забираем у них белье и одежду, отправляем в наши швейные мастерские, там это приводят в порядок, латают, подшивают, потом везут в дезинфекцию на прожарку, вшей подкоптить, — он усмехнулся, — после снова выдаем заключенным.

— А стирка?

— Нет такого, — он пожал плечами. — Иначе окончательно развалится.

Я посмотрел на высокую кучу мусора, сваленную возле одного из барачков. От него несло кислой капустой. В этой куче копошились несколько заключенных.

Провожатый проследил за моим взглядом.

— Лагерная кухня. Гоняем, конечно, но некоторые дошли уже до такой стадии, что ни палкой, ни дулом не отгонишь. Скотина, что с них взять? Смотреть тошно. — Он сплюнул и растер грязным растоптанным сапогом.

Мы прошли дальше. Бараки заключенных напоминали конюшни: длинные, серые, без окон.

— Это штабной, внутри канцелярия, но там вы, кажется, уже были.

Я кивнул.

Прямо перед окнами канцелярии приседали заключенные. Рядом стоял эсэсовец, в руках у него был хлыст, которым он стегал тех, кто, по его мнению, не проявлял достаточного усердия.

— Сели! Встали! Выше! Сели! — И он снова стегнул очередного арестанта. — Жаба! Ниже жопу!

Движения заключенных действительно напоминали лягушачьи прыжки. Несколько стариков уже валялись в стороне

без сознания. Они были настолько измучены, что даже удары хлыста не могли привести их в чувство. Остальные, судя по всему, были на пределе. Глаза многих уже закатывались, красные напряженные лица блестели от пота, из последних сил они выпрыгивали с места, стараясь удовлетворить надзирателя взятой высотой. В этот момент очередной заключенный завалился на спину. Раскинув руки, он судорожно хватал липкими губами воздух. Эсэсовец уже двинулся в его сторону, а у того не было сил даже попытаться увернуться от хлыста. Щелчок — и черная кожаная полоса рассекла лицо и грудь лежавшего на земле. Он взвыл от боли.

— Бергер не дает спуску этой швали, у него не забалуешь, — усмехнулся мой сопровождающий.

Он подошел к надзирателю и перекинулся с ним парой слов, затем вернулся и сообщил:

— Одного из этой команды поймали, когда он болтал с кем-то из женского через проволоку. Ничего, вся команда за него попрыгает, в следующий раз и близко не подойдет к заграждению. По-другому они не понимают.

Мы дошли до автомобиля.

— Как раз вовремя, — мой спутник посмотрел на низкое серое небо, — скоро дождь начнется. Это уж надолго.

Он открыл передо мной дверь, затем быстро оббежал машину и сел за руль. Мы поехали в основной лагерь, который находился километрах в пяти от Биркенау, но не стали заезжать в него, а обогнули и выехали на дорогу, идущую вдоль берега Сола.

— В ту сторону, — роттенфюрер махнул рукой вперед, — город. А там, — он кивнул в противоположную, — деревня Райско, там тоже наши подсобные хозяйства. Моновиц будет километрах в семи отсюда.

Рядом с местом, где мы остановились, была установлена большая табличка: «Зона концентрационного лагеря “Аушвиц”. Вход воспрещен. Стреляют без предупреждения». С шоссе был виден роскошный комендантский дом, окруженный садом,

в котором несколько заключенных подстригали оголенные ветви. Мы двинулись дальше. Возле шлагбаума пришлось предъявить документы. Сразу за шлагбаумом расположилась главная караульная, рядом — комендатура, в которой я уже побывал.

— Тут-то бараки основательнее, это бывшие польские казармы, — мимоходом пояснил мой водитель.

В главном лагере все бараки были построены из красного кирпича.

Мимо караульной двигалась странная процессия. Впереди понуро плелись около сорока заключенных в цепях. Их подгоняли вооруженные конвоиры. Сзади шли сотрудники гестапо, у многих в руках были короткие полицейские кнуты и папки с документами. Следом несколько секретарей несли пишущие машинки.

— Кто это?

— Вы не в курсе? С недавних пор у нас проводят заседания чрезвычайного полицейского суда. Перенесли из Катовице.

— У них нет подходящего места для судебного заседания? — удивился я.

Роттенфюрер усмехнулся и многозначительно посмотрел на меня в зеркало заднего вида.

— В лагере можно сразу же привести приговор в исполнение. Когда это делали в Катовице, местное население реагировало, скажем так, не всегда спокойно, да и родственники подсудимых могли оказаться рядом. В общем, много ненужных забот.

— По каким делам они здесь?

— Кто-то из Сопротивления, кто-то из сочувствующих, кого-то поймали на прослушке вражеского радио. Одно и то же, в общем-то. У нас ведь что удобно — они еще могут и провести допрос соответствующим образом. После богеровских качелей еще никто не молчал.

— Что за качели?

Мне стало интересно.

— Наш обершарфюрер Богер из политического отдела придумал приспособление, которое развязывает любые языки! Да вы и сами можете увидеть.

Мы двинулись по улице вдоль бывших казарм, пока не дошли до последнего ряда. Барак, к которому вел меня мой спутник, ничем не выделялся среди остальных. Рядом со входом красовалась неприметная табличка «11». Мы поднялись по каменным ступеням на крыльцо. Через несколько мгновений после нашего стука в дверном окошке показалось лицо часового. Пока он переговаривался с роттенфюрером, я внимательно рассматривал здание и только сейчас понял, что отличие от остальных бараков все же имелось: окна были заделаны, оставались лишь щели шириной не больше ладони.

Мы зашли внутрь и оказались в длинном темном коридоре. Его пересекали более узкие проходы. В каждом было по несколько дверей, обитых толстым листовым железом, на уровне головы в них были прорезаны крохотные оконца. Даже в коридоре дышалось с трудом, воздух был спертый и пыльный, я представить не мог, что же тогда творилось в закупоренных камерах.

— Туда лучше не заглядывать, — сопровождающий будто понял, о чем я думал, — внутри вонь такая, что с ног сбивает.

Я догадался, что это были стоячие одиночки.

Пройдя по коридору насквозь, мы попали во внутренний двор. Он был огорожен высоким каменным забором, который примыкал к соседнему блоку. Это создавало эффект колодца. Окна того блока были наглухо забиты досками.

— Видите тот черный участок стены возле забора?

Я посмотрел на кусок стены, обложенный изоляционной плиткой.

— Это и есть ваша расстрельная стена?

Он кивнул, но тут же оговорился:

— Правда, если приговаривают больше двух сотен, то ведут сразу в крематорий, иначе слишком хлопотно. А если

человек сто, то газ не тратим. Иногда зондеров* сюда гоним, чтобы они подержали особо строптивых за уши.

— Зачем?

— Чтоб прижимали им головы к земле, иначе кровь фонтаном. Потом вся форма грязная. Отскакивай не отскакивай, один черт, летит...

Я еще раз окинул взглядом высокий забор, полностью скрывавший двор от любопытных глаз.

— Место, конечно, укромное, кроме того, стараемся использовать тут только мелкокалиберное оружие, но, сами понимаете... Даже громкую музыку пытались включать, но все равно каждый в лагере знает, что здесь происходит.

В углу двора я заметил несколько переносных виселиц, но спрашивать про них не стал.

Мы вернулись в здание и поднялись на второй этаж. Одна из дверей была приоткрыта. Оттуда раздавались глухие и протяжные стоны. Я заглянул. Посреди комнаты стояли два деревянных козла, соединенные толстой металлической штангой. На ней, как баран над жаровней, висел лицом вниз полуголый человек, подвешенный на штангу за вывернутые вверх руки и за ноги, соединенные кандалами. В комнате находились еще двое. Один просматривал какие-то бумаги, другой бил висящего кнутом по пяткам и ягодицам. Иногда удары были такой силы, что тот делал полный оборот вокруг штанги. По ногам его стекали тонкие струйки крови, собиравшиеся в лужу. После очередного удара голова заключенного безвольно повисла на обмякшей шее. Эсэсовец с документами заметил это и сделал знак другому, чтобы остановился. Взяв со стола крохотный стеклянный флакон, он поднес его к носу заключенного. Тот не реагировал. Тогда эсэсовец тряхнул склянку и почти прижал к ноздрям.

* Зондеркоманды — название ряда различных формирований специального назначения в нацистской Германии. *Здесь*: особое подразделение заключенных, которое работало в крематориях.

Заклученный дернулся, тело его начало сотрясаться от конвульсий, но глаза он так и не открыл. Эсэсовец кивнул второму, тот продолжил.

Я отошел от двери.

— Раньше использовали два стола, теперь, как видите, усовершенствовали. В наших же мастерских и изготавливаем приспособления, — не без гордости произнес роттенфюрер. — Когда его стряхнут со штанги, подпишет любые показания, будьте уверены.

— Не сомневаюсь. Это и есть богеровские качели?

— Нет, это из гестапо. Тут вся метода их, этот блок весь под политическим отделом*. У них в активе много всего. Бутерброд хотите увидеть? Заклученного кладут на лавку, а сверху широкую доску. И по этой доске начинают дубасить гирями, пока у него не начинает брызгать кровь из ушей и рта. Так промаринуется в собственном соку между доской и лавкой час-другой и мигом все выкладывает. Тут воля ломается быстрее костей. А главное, надо, чтоб остальные слышали, а еще лучше — видели. Тогда второго волочешь, а он уже на ходу начинает все выдавать. Пойдете смотреть?

Вместо ответа я спросил:

— Хоть что-то из этого прописано в должностных инструкциях?

Мой сопровождающий внимательно посмотрел на меня, будто силился понять, шучу я или нет. Затем просто пожал плечами.

— Это нужно, чтобы допросы проходили успешно. По-другому этот сброд не понимает. Тут главное — заставить их говорить, неважно какими способами. Сейчас ведь война, — он задумался, подыскивая слова, чтобы выразить мысль яснее. — Как бы вам объяснить, тут такой манер: лучше

* Сотрудники лагеря состояли из представителей СС и СД. Исключение составлял политический отдел: там работали сотрудники гестапо. В ведении политического отдела находились все допросы и казни.

перестраховаться и убить лишнего, чем пожалеть, а потом получить пулю в спину. Единственно верная политика сейчас. Как по мне, так я бы пристреливал каждого, кто отводит взгляд.

Здесь тоже было душно. Я расстегнул верхние пуговицы плаща. Мы пошли дальше и поднялись на чердак. В нос мне ударил омерзительный запах.

— Черт подери, здесь никогда не убирают? — пробормотал я, сиюсь разглядеть помещение.

Ламп здесь не было, свет слабо пробивался сквозь неплотно подогнанную черепицу, а потому я не сразу осознал, что на массивных балках под крышей висели... люди. Я молча разглядывал эти человеческие гирлянды, раскачивающиеся в блеклых кривых лучах, пронизанных густой пылью. Руки у всех были связаны за спиной веревкой, которая была перекинута через балку. Почти все молчали, бритые головы их безвольно свисали на грудь. Стонал лишь один в углу. Я понял, что это и были знаменитые богеровские качели.

— Они уже ничего не ощущают, их плечи давно вывихнуты. Главное, не задевать их и не раскачивать. Этого, — сопровождающий кивнул на стонавшего, — подвесили, видать, недавно, его суставы еще сопротивляются.

Я подошел к нему ближе и сумел разобрать, что шептали высохшие губы: «Мама, мамочка, мама...»

— Когда они висят на выкрученных руках, то под тяжестью тела кости постепенно выскакивают из суставов, — проговорил роттенфюрер, разглядывая другого узника, не издававшего ни звука, казалось, уже даже и не дышавшего, — и они продолжают висеть на сухожилиях. — Он перевел взгляд на меня: — У этого время вышло.

Он подтянул табурет, стоявший в центре помещения, и тронул висевшего за ногу.

— Эй, — позвал он, но заключенный не шевельнулся, — ставь ноги, — снова проговорил мой сопровождающий.

Длинные ноги едва заметно дернулись, но ни одна не встала на табурет. Мой спутник молча поставил вначале одну ногу заключенного, затем вторую, потом развязал веревку и ловко перехватил завалившееся тело.

— Что церемониться с этим сбродом? — раздался насмешливый голос у меня за спиной.

Я обернулся. Какой-то штурманн развязывал веревку на другом заключенном, тот тут же рухнул на пол.

— Если они здесь, то и не такое заслужили, — заверил он.

— Что еще здесь делают? — спросил я, не отводя взгляда от висящих.

— Всякое, — сопровождающий встал рядом. — Кого-то просто в стоячий карцер. Несколько суток в каменном мешке — ни повернуться, ни присесть, зимой не подвигаться, не согреться. Достаете такого, а он валится на землю, ни в каком месте себя не чувствует. Лежит как червь, силится встать, а не получается. Смешно это выглядит. Иногда плетью, иногда палками наказывают, иногда каленым железом, иногда иглы. Когда нужно важные сведения получить быстро, то бензином умывают и — чирк... Один такой после допроса несколько дней никак не подыхал. С выжженными глазами, с кровавыми пузырями на рыле все лежал и орал, ни разу не отключился, пока уже не устали от его криков и доктор инъекцию фенола не сделал.

— Я полагал, здесь только расстреливают.

— Кому повезло, тех только расстреливают, — кивнул он и достал сигарету, — мелким калибром, чтоб меньше шума. А... это я вам уже говорил.

— Вы знаете, что в предписании есть пункт об обязательном медицинском осмотре заключенного перед наказанием палками, розгами и... другими приспособлениями. — Я кивнул на веревку, перекинутую через балку: — Врач хотя бы одного из них осматривал?

Роттенфюрер удивленно уставился на меня.

— Существует подобное предписание? — Он задумчиво потер подбородок. — Хм... забавно. Нет, ничего подобного тут

не практикуется. Такой поток... А для чего, собственно, это нужно? — Судя по всему, он никак не мог поверить в существование этого правила.

— Таков порядок, — коротко ответил я.

Мы вернулись на улицу, и я с наслаждением вдохнул свежий воздух. Взгляд мой уперся в соседний, десятый блок.

— Там то же самое или это обычный жилой барак?

Мой сопровождающий покачал головой.

— Раньше был жилой мужской, потом женщин пару месяцев размещали, а сейчас оборудовали как медицинский. По распоряжению сверху завезли самое лучшее оборудование: там и операционный зал, и исследовательский отдел с опытными лабораториями. Говорят, даже рентгеновский аппарат поставили. Я особо не вникал. Насколько мне известно, там сейчас проводят важные исследования по стерилизации.

Он посмотрел на часы.

— Нам пора возвращаться. Думаю, комендант уже ждет вас.

Я разглядывал фотокарточки, стоявшие на элегантном лакированном бюро. На них Рудольф Хёсс, комендант Аушвица, предстал в лучшие моменты своей жизни: за столом с министром пропаганды, на приеме рядом с рейхсфюрером, на торжественном митинге позади самого фюрера. Одна из фотографий была сделана в той самой комнате, в которой я сейчас находился: в кресле сидел рейхсфюрер, на коленях у него расположились младшие дети Хёсса, остальные вместе с родителями стояли рядом и с одинаковой улыбкой смотрели в объектив. Стоило признать, скромный блокфюрер из Дахау знатно взлетел ввысь.

Услышав позади шаги, я обернулся.

— Прошу прощения, что заставил вас ждать, дело в том, что в лагере...

Он остановился и внимательно всмотрелся в меня. Я широко улыбнулся.

— Фон Тилл? Фон Тилл! Волчара Дахау! Вот уж не думал, что доведется...

Мы крепко пожали друг другу руки.

— Оберштурмбаннфюрер, комендант, — произнес я, оглядывая его, — потрясающая карьера, прими мои поздравления.

Он кивнул на мои погоны и петлицы.

— Да и ты не сидел на месте. По такому случаю нужно выпить!

Он распорядился, чтобы к кофе подали коньяк и шоколад. Я продолжал разглядывать его домашний кабинет.

— Отличный дом, Рудольф, здесь приятно находиться.

— Это все заслуга Хедди, — довольно проговорил он. — Тебе уже показали лагерь?

Я кивнул. Он молча воззрился на меня, ожидая, что я скажу. Я усмехнулся:

— Хочешь знать, что будет в моем отчете?

— Брось, фон Тилл...

— Твое хозяйство в идеальном порядке, — заверил я. — Есть моменты, но при той нагрузке, что вы взяли на себя...

Лицо Хёсса просияло.

— Я знал, что ты поймешь это! Штабным крысам нужно лишь соответствие бумажкам, но только тот, кто сам прошел лагерь, знает, что это такое. Школа Эйке даром не проходит. — Он опустился в кресло, в котором когда-то сидел рейхсфюрер с его детьми, и удовлетворенно продолжил: — А ведь никто даже предположить не мог, что Аушвиц превратится в крупнейший центр по решению нашего главного вопроса. Образцовый, не побоюсь сказать. Мое детище, фон Тилл. Все, что ты здесь увидел, — целиком и полностью моя заслуга, — с гордостью произнес Хёсс. — Сегодня мы самые крупные: почти восемьдесят пять тысяч душ одновременно, живьем, — подчеркнул он. — Кто с нами сравнится? Дахау, Бухенвальд, Заксенхаузен? По поголовью они и до половины нашей не дотягивают. Да уже и самому с трудом верится, что тут было, когда я приехал сюда впервые. Местечко — дрянь, фон Тилл, прямо тебе говорю,

совершенно непригодно было для наших целей. Все постройки разваливались на глазах, а стоило пройти хорошему дождю, как Сола затапливала и без того рыхлую землю и все превращалось в болото. Один плюс: место было настолько дерьмовым, что никто сюда по доброй воле не совался. Так что не пришлось тратить много сил на очистку земель. Лишнее внимание нам ни к чему, сам понимаешь, — усмехнулся Хёсс.

Принесли кофе с коньяком. Хёсс с одобрением наблюдал, как нам разливали дымящийся напиток в тонкий белоснежный фарфор.

— Силы мы тратили на другое, — продолжил он, едва мы остались одни, — нам катастрофически не хватало стройматериалов. Я забрасывал инспекцию запросами, лично умолял Мюллера хоть о какой-то помощи, но получал лишь отписки.

Я верил в то, что Хёсс не преувеличивал.

— Ты даже представить не можешь, какое количество запросов ежедневно проходит через инспекцию! Это еще не считая всяких писем, донесений, отчетов и прочего.

Я поморщился, вспомнив свой рабочий стол, заваленный бумагами.

— А я в какой патовой ситуации оказался! С одной стороны, с меня требовали как можно быстрее завершить строительство, а с другой — не дали никакой помощи даже простейшими стройматериалами. Рейхсфюрер тогда прямо сказал, что не желает даже слышать о каких-то трудностях, мол, для высшего чина СС их не может быть.

Я сделал глоток кофе, оказавшегося на редкость хорошим — не чета тому дешевому суррогату, который сейчас подавали даже в офицерских столовых. Наслаждаясь вкусом, я произнес:

— В Берлине редко интересуются проблемами на местах, сам знаешь. Там требуется лишь исполнение.

Хёсс кивнул и даже подался вперед:

— Именно. Приходилось постоянно искать решения самому. Дошло до того, что я отправил специальный отряд

разбирать польские дома. Камень, доски, кирпич, плиты, стекло — я приказал тащить каждую мало-мальски полезную деревяшку на нашу строительную площадку. Мне даже пришлось самостоятельно ехать в Закопане, чтобы достать котлы для кухни, а потом в Рабку за соломенными матрасами.

— Кто снабжал?

— А никто. Как найду, что можно использовать в лагере, то просто забираю. А что оставалось делать? Приказ был построить. Представь, фон Тилл, мне пришлось доказывать специальной комиссии, что я конфискую сельскохозяйственную собственность вокруг лагеря не по своей прихоти, а исключительно по необходимости.

— На кой черт она тебе понадобилась?

— Нужно было загрузить хоть какой-то полевой работой арестантский сброд. Иначе, прохладяясь, они могли что-то удумать. Никогда не давать им времени на размышления — это я крепко усвоил, фон Тилл. Чем меньше арестанты думают, тем крепче может спать охрана.

От него не укрылась моя едва заметная усмешка, и комендант серьезно проговорил:

— Я ведь здесь свое здоровье угробил, понимаешь? Не знаю, в курсе ты или нет, но изначально Аушвиц планировался исключительно как транзитный узел: здесь должны были сортировать все поголовье перед отправкой в другие лагеря, но я доказал, что способен сделать из него вполне самостоятельный и полноценный лагерь для постоянного содержания. Сегодня мы в идеальном порядке содержим многотысячную свору, которая в противном случае обратила бы свои силы против рейха, не прижми я их к ногтю, — Хёсс с силой сжал подушечки указательного и большого пальцев, вскинув руку перед возбужденным лицом. — И ты думаешь, с завершением основного строительства я забыл, что такое трудности? Их стало только больше, причем валились откуда не ждали, — теперь уже он криво усмехнулся, потянулся и взял чашку, — например бабы, — сделав паузу, он многозначительно посмотрел на меня.

Я молча кивнул, давая понять, что с интересом жду продолжения.

— Я был категорически против смешения, — продолжил он, — но приказ последовал от самого рейхсфюрера. Нужно было в кратчайшие сроки подготовить лагерь к прибытию женщин. Ну, мы отправили пару сотрудников в Равенсбрюк* для получения опыта, так сказать, но, понятное дело, съездили они тогда без толку. Вернулись — не знали, за что хвататься. Выделили экстренно десять бараков, отделили их забором от основной зоны, но как управлять этим сектором? Вроде и заключенные, но ведь женщины... Сейчас это кажется смешным, а тогда все в диковинку. В штабе рейхсфюрера смекнули, что к чему, и откомандировали нам Лангefeld** вместе с двумя десятками надзирательниц. Уже через месяц у нас содержалось почти семь тысяч женщин. Только представь, каких-то четыре недели, а мы переплюнули Равенсбрюк! У них тогда, если не ошибаюсь, было меньше шести тысяч. Мы едва успевали расширять для них зону: новые деревянные бараки приходилось втискивать между старыми кирпичными. А главное, нам продолжали их везти, мол, вот вам рабочие руки, холера их дери. Сам посуди, какие из баб работники на очистке прудов или строительстве дорог? Злые, истощенные, апатичные, перепуганные — что ни день, так с десятков из них обязательно себе руки-ноги резанут или отобьют инструментом. Ладно бы только себя увечили, но ведь еще и инструмент, — Хёсс с сожалением покачал головой. — Но думаешь, только с номерными бабами проблема? — Он снова посмотрел на меня долгим выразительным взглядом.

Я молчал, ожидая пояснения.

* Равенсбрюк (от нем. Ravensbrück — Вороний мост) — крупнейший нацистский женский концлагерь, располагавшийся в 90 км к северу от Берлина, около одноименной деревни. Сейчас входит в состав города Фюрстенберг.

** Йоханна Лангefeld (1900–1974) — главная надзирательница Равенсбрюка.

— Узницу за любое неповиновение можно выпороть и отправить в штрафную команду, а с надзирательницами такой фокус не пройдет. А жаль! Эти существа совершенно не способны следовать инструкциям и поддерживать порядок. И дня нет, чтобы во время переключки не выявилось расхождение списков с фактическим наличием. Тогда эти курицы в форме начинают кудахтать и лупить куриц в робах. Бардак полнейший, сумятица. В мужском у нас всегда все было четко: сразу же после прибытия эшелона информация о количестве отправленных в газ и отобранных для работ поступает в политический отдел. А тот отправляет телексом точный статистический отчет в оба управления*. Берлин всё узнаёт в этот же день. Но едва за дело взялись бабы, как списки стали приходить в политический с опозданием, да еще и с кучей исправлений и ошибок: цифры постоянно меняются, уточняются, поначалу бывало, что и на следующий день не доходили. В конце концов мне это надоело, как-никак именно я нес ответственность за это безобразие, и я распорядился об их полном подчинении администрации мужского лагеря. И что ты думаешь, фон Тилл?

Откровенно говоря, я пока не решил, что мне обо всем этом думать.

— Как поступают бабы, когда, по их мнению, их обижает мужик? — продолжил вопрошать комендант. — Они жалуются другому мужику, облеченному еще большей властью! Лангefeld отправила жалобу прямо в штаб рейхсфюрера на то, что от нее, видите ли, требуют подчинения равному по рангу. Звания этой курице, видимо, ни о чем не говорили!

Хёсс досадливо поморщился. Видно было, сколь болезненна была для него тема посягательства на его полномочия в его же собственной вотчине.

— Поначалу рейхсфюрер почему-то принял сторону Лангefeld, хотя и дураку понятно, что руководить лагерем она

* ВФХА и РСХА — Главное административно-хозяйственное управление СС и Главное управление имперской безопасности.

не способна. Непригодна, как и весь ее выводок из Равенсбрюка, который она притащила с собой. Бабам попросту не понять, что такое лагерь, в котором уничтожают, и как им должно управлять, чтобы вся система не рухнула к чертям. Им не доводилось собственноручно уничтожать...

— А тебе? Я имею в виду — лично.

Мне надоели его рассказы о женском секторе, в то время как меня интересовал лишь главный лагерь, и я поспешил перевести тему.

Хёсс не торопился с ответом. Он смотрел в чашку, которую держал в руках, — я заметил, что она была уже пуста. Комендант неспешно взял с подноса бутылку и налил коньяка больше половины, затем плеснул из кофейника уже остывший кофе. Я последовал его примеру. Он молча наблюдал. Когда я снова откинулся в кресле, он проговорил:

— Начало войны застало меня в Заксенхаузене. Буквально через несколько дней пришел тот приказ о немедленных казнях. Тогда не то что сейчас, тогда это было... — он умолк, подыскивая подходящие слова, — откровенно говоря, многих тогда это покорило... Не успели мы толком обсудить распоряжение, как появился грузовик из гестапо — привезли какого-то парня в наручниках. Я присутствовал в тот момент, когда комендант вскрыл конверт. «Подлежит расстрелу. Сообщить расстреливаемому и в течение часа исполнить». Вот и все. Как заместитель коменданта, я был обязан провести... исполнить приказ.

— Ты лично стрелял?

Хёсс покачал головой.

— Выбрал трех штабистов, спокойных, исполнительных, которые не зададут лишних вопросов. В песчаном карьере мы вкопали столб и привели к нему того парня. К моему удивлению, он воспринял все довольно спокойно. Закрыв глаза. Я приказал стрелять. Штабисты не подвели. Врач подтвердил: наповал.

Говорил он отрывисто, словно отрезал каждую фразу от общего куска воспоминаний. Несмотря на то что он

не впадал в щедрую описательность, мне казалось, что Хёсс помнил ту первую казнь до мельчайших подробностей.

— Потом грузовики стали приходить все чаще и чаще. Мы успели пообвыкнуться. А затем случился конфликт. Привезли знакомого унтера, которого за несколько месяцев до этого перевели из Заксенхаузена. Отличный малый, я знал его лично. Этот бедолага случайно упустил арестованного коммуниста, который был под его ответственностью. Как мы могли расстрелять своего же парня?

Хёсс снова впился взглядом в свою кофейную чашку. Я понимал, что он не ждал ответа на этот вопрос.

— В комендатуре начали роптать, и недовольство достигло ушей Эйке. Он лично застрелил того парня. А после всем последовал строгий выговор. Папаша совершенно взбеленился, собрал командиров всех подразделений и орал нам об уничтожении внутреннего врага, опасного не меньше, чем враг на фронте, если не больше. Обвинял всех в сопливости. По сути, папаша был прав, но мы никак не могли себе уяснить, что уже вступили в действие законы войны. Фронт был далеко, и война не ощущалась. Но она-то шла. Сейчас я благодарен ему за тот выговор.

Я легко представил себе папашу, стоящего перед группой командиров, брызжущего слюной и яростью в их бледные лица и трамбующего свои идеи в их застывшие души.

— Это похоже на Эйке.

— И ведь что интересно, — продолжил Хёсс, посмотрев в окно, — тогда одного казнили — всю душу вытрясало, а сейчас прессуем в камеры тысячами...

Он продолжал смотреть в окно. Я не мешал ему размышлять, наслаждаясь прекрасным кофе с отличным коньяком. Через некоторое время он снова повернулся.

— Кстати, это исключительно наше достижение, чтоб ты знал.

Я вопросительно посмотрел на него.

— «Циклон Б». Полностью наше изобретение, — пояснил он и закивал, — да-да.

— Я видел ваш блок с исследовательскими лабораториями, но пока еще не побывал внутри.

— О нет, к медицинским лабораториям это не имеет никакого отношения! Ты слышал о «Циклоне А»? Дешевая химикалия, используют в сельском хозяйстве для борьбы с паразитами и вредителями. Мы окуривали им помещения от разной насекомой дряни. Наш газ — это его разновидность, мы ее вывели в результате собственных экспериментов! Если бы не «Циклон Б», не знаю, как бы мы сейчас справлялись с решением нашего вопроса, — Хёсс пожал плечами, — вал транспортов сумасшедший. Помню, еще в сентябре сорок первого всех комендантов собрали в Заксенхаузене для демонстрации их расстрельного станка. Должно быть, знаешь, как они замаскировали обыкновенный ростомер, — я кивнул, — но я сразу смекнул, что это хорошо лишь для показа делегациям из Берлина, но для серьезных объемов не подойдет. А нам тогда гестапо как раз отправляло на уничтожение русских комиссаров, политруков и прочий красный сброд, которых мы расстреливали в гравийном карьере. Наш гауптштурмфюрер Фрич решил проявить инициативу и бросил им в камеру «Циклон». Я потом проверил и убедился, что в целом это безопасно, нужно только надеть противогаз. Я велел к русским добавить больных из госпиталя. Их на носилках занесли и там сложили, потом туда же затолкали и военнопленных. Ну а кого еще?

Хёсс развел руками, будто это я задал ему вопрос с претензией, я же по-прежнему молчал.

— Мне их той осенью только за один октябрь почти десять тысяч доставили. А у меня тогда под них всего девять барачков: голые стены и бетонный пол, ни нар, ни одеял. А где взять, когда все так скоро? Но у нас еще ничего — были хотя бы бараки. А в Гросс-Розене* и того хуже: стройка еще шла, селить

* Гросс-Розен — нацистский концлагерь в районе села Гросс-Розен в Нижней Силезии (1940–1945).

было негде, согнали их на пустырь, там и держали несколько ночей. Так они, как муравьишки, тут же нарыли себе землянок голыми руками — в октябре! — и приготовились располагаться, веришь? Просто поразительный народец по приноравливанию к условиям. Мы той осенью как раз под Биркенау* место готовили, — Хёсс продолжал прыгать с темы на тему, уверенно отдаляясь от основного повествования, которое сам же и завел. — Я и погнал русских со всеми на работы: они там у меня и лес валили, и пни корчевали, и канавы расчищали, и фермы разбирали. Инструмент — кирка да лопата да руки, больше ничего! Но работали, видишь ли. Там, где остальные кучами мёрли, эти продолжали держаться. В какие бы условия мы их ни ставили, они всегда приноравливаются и до последнего сохраняют свою изворотливость. Помню, отобрали у них в наказание за что-то миски. Так они стягивали свои пилотки и в них получали паек, и тут же выхлебывали, да так быстро, что суп и просочиться не успевал. Хотя ты можешь себе представить, как такая пилотка через несколько дней выглядит и как воняет, — Хёсс скривился. — А мясо себе добывали знаешь как? Крысе свой кулак подсунут, она вцепится, а им того и надо — кулаком об стену, вот и мясо. Не брезговали ничем, кидались на каждый обьедок. Когда потеплело, бывало, найдут лягушку и жрут еще живую. Отвратительно. Но что меня поразило: вечером бредут эти русские полутрупы с рабочей площадки, ноги обмороженные еле переставляют, а глаза горят. Чем-то неприятным горят, честно признаться. И никогда взгляда не отведут. Наоборот, уставится такой на тебя безо всякого страха... Чумная раса. Опасная, безусловно. У них ведь еще какая-то просто феноменальная тяга к побегам. Ты знал,

* Освенцим (нем. Аушвиц) был комплексом из трех основных лагерей: Аушвиц I — главный лагерь, в котором располагался административный центр, Аушвиц II — Биркенау, в котором происходило непосредственное уничтожение в газовых камерах, Аушвиц III — рабочий лагерь Моновиц, созданный и функционировавший для компании «И. Г. Фарбен», и ряд других, менее крупных, рабочих лагерей для фабрик и шахт.

что половина всех побегов — на счету русских? Я тогда сказал себе, что обязан выполнить свой долг во что бы то ни стало, без всякой там сентиментальности и оглядки на совесть, ибо это наш долг не только перед нашими детьми, но и перед всей цивилизацией. И я распорядился не выдавать им теплой одежды!

Я с некоторым удивлением глянул на коменданта, несколько озадаченный несоответствием патетичных целей и принятых мер, но вслух ничего не сказал, опасаясь обидеть Хёсса.

— Да-да! Этим я приказал не давать ни перчаток, ни шапок, ни пальто, ни сапог, ни полного пайка. И только после этого их убыль сравнялась с остальными: спустя три месяца — минус восемьдесят процентов русских. Помню, от холода и голода они так одурели, что сами уже лезли на телеги с трупами. Зрелище, конечно, не для слабонервных... — задумчиво протянул Хёсс, погрузившись в воспоминания.

Судя по всему, он даже не заметил, что окончательно ушел от темы экспериментов с газом.

— Так их доставили на работы или на уничтожение? — не понял я.

Хёсс отстраненно посмотрел на меня, явно мыслями все еще находясь на строительной площадке.

— А? Да кто ж разберет? Из управления приходили указания разделять тех, кого они отправляли на работы, и тех, кто подлежал уничтожению. Но, откровенно говоря, разницы между теми партиями я не видел: и те и другие были на последней стадии истощения. В их случае уничтожение трудом работало хорошо, — проговорил он и неожиданно улыбнулся: — Работать, чтобы сдохнуть, понимаешь? В проект лагеря можно заложить даже смерть, чтоб ты знал.

Хёсс сделал глоток и закинул ногу на ногу, покачивая мыском идеально начищенного сапога.

— И как ты просчитывал это?

Комендант отставил чашку и снова подался вперед. Видно было, что вопрос пришелся ему по душе:

— Возьмем, к примеру, старый проект Биркенау. Когда мы его закладывали, то ожидалось, что одних только русских туда отправят почти сто тридцать тысяч. Согласно смете, мы должны были впихнуть это количество в сто семьдесят четыре барака. Соотносишь?

Хёсс испытывал явное удовольствие, знакомя меня со всеми тонкостями своей работы, неведомыми стороннему человеку.

— Это один сортир на семь тысяч жоп. Одна помывочная на восемь тысяч тел. То есть эпидемии, которые будут распространяться в этом муравейнике со скоростью света. Даже для такого неприхотливого зверья это приговор. А ведь у нас уже тогда и евреев было прилично, и другой шелухи... со всей Европы! Потому нужно было организовать работы так, чтобы к их окончанию как минимум четверти не было в живых. Мы просто просчитали количество дней, заложенных на строительство, соотнесли их с количеством кремационных печей, бывших у нас тогда в наличии, и высчитали норму тел, которые могли сжечь на тот момент. После этого я дал отмашку своим парням по ежедневной норме трупов на строительстве. В этом плане нам, конечно, повезло, что оно пришлось на зиму.

Пока я обдумывал услышанное, мне вдруг вспомнились обрывки разговоров во время инспекционных поездок по генерал-губернаторству.

— Я всякое слышал о русских, — медленно проговорил я. Хёсс кивнул.

— Суть бессмысленного русского сопротивления поистине страшна, фон Тилл. Это надо понимать. Один ландверовец*, участник Мировой, рассказал мне как-то любопытный эпизод на той войне. Им пришел приказ о взятии

* Ландверовец — служащий ландвера. Ландвер — регулярные части армии Австрийской империи, применялись в боевых действиях в 1809–1859 гг., позже переведены в режим ополчения. К началу XX в. — второочередные войсковые формирования в Пруссии, Германии, Австро-Венгрии и Швейцарии, а его служащие — военнообязанные запаса 2-й очереди.

крепости, охранявшей важный транспортный узел. Решили травить. Тогда газ уже начали использовать, ты знаешь. Привели в действие три десятка газобаллонных батарей. Хлор проник на территорию русских километров на пятнадцать. Все листья пожухли, даже трава почернела, птицы не летали, ничего не жужжало, не стрекотало. Тебе, фон Тилл, наверное, не понять, что такое газовая атака — оно и к счастью, — но мне довелось испытать на себе действие хлорпикрина. Он используется как компонент фумигантных смесей в сельском хозяйстве, и Хедди как-то забыла меня предупредить про обработку, я вошел в теплицу...

Хёсс сделал длинную паузу и медленно покачал головой. Даже сейчас при воспоминаниях лицо его перекосило.

— Я испытал мучительнейшие боли — а ведь я находился там всего несколько секунд. Перестал видеть, глаза горели, из носа текло не переставая, кашель заставлял сгибаться пополам еще на протяжении нескольких часов. Весь день потом я пролежал в кровати под присмотром врача, напичканный лекарствами и галлонами воды. А ведь это была сельскохозяйственная смесь, не военная. Те ландверовцы были уверены, будто лишили русских всякой возможности к сопротивлению. Более того, вслед за газовой атакой наша артиллерия еще и обстреляла крепость, и только после этого выступила пехота. И что ты думаешь? Когда наши прошли обе линии обороны, навстречу им поползли русские! С красными рылами от химических ожогов, с глазами навывкате, отхаркивая кровь и хрипя, они шли... нет, не сдаваться, фон Тилл, — они шли в штыковую атаку!

Хёсс уставился на меня так, будто это я вел рассказ. На лице его вдруг отразилась безотчетная тревога, словно он лично был свидетелем подобного не далее как вчера.

— По всем законам природы они должны были уже сдохнуть или, на худой конец, валяться в судорогах идохнуть в мучениях. У них ведь там и противогазов толковых не было, обмотали лица какими-то тряпками и поперли — фактически уже трупы! Представь себе, как проняло тогда парня — сколько

лет прошло, а его до сих пор передергивает. Сам он мне честно признался, что просто развернулся и припустил назад.

Комендант запрокинул голову и залпом выпил кофейно-коньячный остаток.

— Да, русские заключенные — особая категория. Никогда не видел, чтобы так долго и отчаянно сопротивлялись в газовых камерах, фон Тилл. Мы едва успели вбросить гранулы, как один из них тут же все понял и заорал: «Газ!» И все вместе кинулись на штурм дверей, как единое целое. Благо их без еды держали несколько дней — дверь выдержала. А потому я тому ландверовцу легко верю. Иной раз смотришь в глазок — уже легкие выплевывает, глаза кровью налиты, а он все стоит и дерет когтями дверь, плечом ее пытается высадить, пока окончательно не осядет. Поверь моему лагерному опыту, фон Тилл, к русским спиной никогда нельзя поворачиваться, пусть они хоть в кандалы закованы.

Странное, почти болезненное выражение на лице Хёсса стало смазывать приятные ощущения, вызванные хорошим кофе и коньяком. Я торопливо перевел взгляд на окно и, чтобы вывести коменданта из тягостного состояния, утвердил как бы между прочим уже известный факт:

— Значит, именно русские первыми испытали на себе действие твоего знаменитого газа?

Хёсс кивнул.

— Конечно, именно их и нужно всегда брать для опытов. Я тут изучил некоторые материалы исследований, которые проводятся в наших лагерях, и вот что скажу: самую высокую сопротивляемость и выдержку демонстрируют именно русские организмы. Буквально вчера мне довелось прочитать очередной обзор исследований Рашера* в Дахау. Он погружал

* Зигмунд Рашер (1909–1945) — гауптштурмфюрер СС, врач в концлагере Дахау. Проводил в лагере медицинские эксперименты над людьми, признанные на Нюрнбергском процессе над врачами бесчеловечными и преступными.